УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л43

Художественное оформление серии
А. Старикова

Фотография на обложке:
© Nick Bondarev / Stocksy United / Legion Media

Лель, Агата.
Л43 Несломленная : [роман] / Агата Лель. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-107693-1

Здравствуйте, меня зовут Александра, мне тридцать два года, и я та, кто не хочет жить по правилам. Сколько раз мне хотелось начать жизнь с чистого листа, переписать карму. Но стоило только позабыть о прошлом, как я снова вляпывалась в очередное дерьмо под названием любовь. Еще раз здравствуйте. Я та, кого вы презираете. Я — любовница вашего мужа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107693-1

© Лель А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Вода такая черная. Манящая.

Перевалившись через перила, облокотилась животом о ледяную металлическую поверхность и, как зачарованная, смотрела вниз. Я не видела своего отражения: мелкий дождь вперемешку со снегом протыкал темную гладь миллионом иголок, заставляя мелко вибрировать всегда спокойные воды Лейи.

Интересно, здесь можно утонуть? Конечно, да. Особенно когда вокруг ни души, на дворе ночь, ненастная погода и ты не умеешь плавать.

Босые ноги замерзли настолько, что уже не чувствовались пальцы. Так можно и обморожение получить… Хотя, не все ли равно, что будет потом?

Ночная рубашка промокла, неприятно прилипнув к телу; тонкий плащ, бесполезной тряпкой облепив щиколотки, не спасал ни от холода, ни от дождя. Только сейчас, переведя дыхание и впервые сосредоточившись на чем-то помимо темной ленты брусчатки и мелькающих в беге голых ступней, я поняла, откуда доносились раз-

дражающие щелчки — это стучали зубы. От холода, страха и нервного потрясения.

Я смотрела на блики, отбрасываемые на воду тусклым светом фонарей, и как никогда остро ощущала эфемерность своего существования. Какая-то нелепая репетиция собственной жизни. Блеф. Алкоголь туманил разум, искажая реальность. Я стояла и смотрела вниз, так и не решаясь сделать судьбоносный прыжок.

Позади послышались торопливые шаги, чвакающие в грязно-серой снежной жиже. Это был он. Ссутулившийся, в серой толстовке с надвинутым на глаза капюшоном. Подойдя, сделал резкий рывок в мою сторону.

— Не подходи! — вытянув руку, будто ограждая себя от нежданного гостя, по-немецки прокричала я.

— Александра, что, черт возьми, ты собираешься сделать? — перекрикивая шум дождя, он отошел на шаг назад.

— Убирайся!

— Дай мне все объяснить! — подался вперед, но, увидев, как решительно я поднялась на каменный выступ, снова отступил. — Пожалуйста. Просто дай объяснить!

— Пошел вон! — сквозь зубы прорычала я и, перекинув ногу, пошатываясь, села на скользкие перила.

— Чокнутая! Чокнутая дура! Не смей! Не смей, слышишь? — В его глазах застыл страх.

Выставив перед собой руки ладонями вперед, он сделал несколько осторожных шагов навстречу. — Давай поговорим, а потом делай что хочешь, хорошо?

— Убирайся отсюда! Я тебя ненавижу!

Прыгай. Прыгай уже. Давай!

— Александра! Сащя! — в ужасе перешел он на ломаный русский, пытаясь воззвать к благоразумию.

Не смотри на него. Не слушай. Лети.

Расставив руки, будто обнимая небо, я закрыла глаза и, оттолкнувшись ногами, упала.

* * *

Тяжело жить в наше время, вы не находите? Сумасшедшее время прогресса, нанотехнологий, генно-модифицированных продуктов, клонирования и движения нон-стоп.

Термальная вода, йога, электронные сигареты, пилатес, кислородные коктейли, обертывание водорослями Мертвого моря. Идеальные дома, идеальный газон, идеальные локоны. Даже старость мы принимаем достойно, с гордо поднятой головой, записываясь на уколы ботокса…

Как скучно мы стали жить. Стандартами, навеянными современной Европой. Подсмотренный быт со страниц глянцевых журналов. Мы хотим быть свободными и псевдораскрепощенными, заталкивая свое настоящее «я» в недра со-

знания, дабы не выделяться и соответствовать идеальному, придуманному кем-то другим, миру. Ведь гораздо проще влиться в массы, чем доказывать свою самобытность.

Мы в клетке, друзья. В кандалах.

Общество лучше знает, как вам жить, что есть и с кем спать.

Итак, здравствуйте.

Меня зовут Александра, мне тридцать два года, и я та, кто не хочет жить по этим правилам. Я отщепенец социума. Все вышеперечисленное меня напрягает и отталкивает. Я та самобытная облезлая кошка среди лощеных гламурных гиен. Я сама не знаю, чего хочу, поэтому меняю города и страны в поисках своего идеального мира.

Последний раз я сбежала из Бельгии в Питер в надежде перечеркнуть прошлое. Начать с чистого листа. Переписать карму. И вы знаете, мне это удалось. Я забыла прошлое, но вляпалась в очередное дерьмо под названием любовь. Любовь порочная.

Еще раз здравствуйте. Я та, кого вы презираете.

Я — любовница вашего мужа.

* * *

Начну с небольшой предыстории.

Я родилась в 1986 году, в городе Н., в самой обычной советской семье. Тут мне нечем

вас шокировать, простите, никаких травм детства: отец не буянил, не пил и не уходил в загулы, меня никто не растлевал и не использовал мой труд. Я росла в ауре любви и покоя. В меру строгая мама, добродушный папа, заботливая бабушка, брат-оболтус. Я очень хорошо училась и не доставляла родным проблем. Идеальная дочь, внучка, сестра. Тихая, послушная, крайне зажатая отличница. Но, идя в школу, я ежедневно переживала свою личную трагедию — одноклассники меня не то что не любили — меня презирали. Обзывали и обижали. За мой ум, за скромность, за страшный пиджак и юбку ниже колен, за неумение дать сдачи. И за мою внешность. Мне «повезло» родиться рыжей. Мелкие, как у афроамериканки, завитушки, рыжие брови, блеклые ресницы. И веснушки. Адово количество конопушек, особенно с приходом весны они как с цепи срывались, настоящее буйство! В переходном возрасте они стали покрывать не только мое лицо, но и шею, руки, плечи, грудь… Я ненавидела себя за это, ненавидела отца, подарившего мне эту «солнечную радость», и брата, который, нисколько не комплексуя, залихватски зачесывал свой рыжий чуб в причудливый трамплин. Я не была откровенно некрасивой, но я была рыжей, и это стало моим самым главным пубертатным горем.

К девятому классу я обзавелась двумя подружками — Ирой и Галей, абсолютно серыми

и неприметными, мечтой — уехать из Н., и своей первой великой любовью — Кириллом Мамоновым. Он сыграл большую роль в моей жизни, жаль, что трагическую.

К нему мы еще обязательно вернемся. Позже.

Санкт-Петербург,
2017 год, ноябрь

Конец ноября. Самый позорный месяц в году. Еще не зима, но уже не осень. Уже не любимое легкое пальто, но еще не шуба… Лед тонкой корочкой покрыл замерзшие лужи, она еще не совсем прочная, и, неаккуратно наступив — хрум! — нога увязла в ледяной жиже.

— Твою же ты мать! — выругалась я, извлекая новый сапог из недр грязной воды.

Чудесная красная замша потемнела, приобретя неряшливый вид. Marc Jacobs. Шестнадцать тысяч рублей с пятнадцатипроцентной скидкой. Прекрасное утро.

Я шла по проспекту, сжимая в кармане замерзшими пальцами пачку сигарет. Поскорее бы добраться до конторы и совершить первую за утро живительную затяжку, ведь благодаря тому, что проспала, покурить я так и не успела. А ведь утренняя сигарета это целый ритуал — чашка крепкого кофе, «Парламент» и что-нибудь из ретро, тихо льющееся из динамиков.

Вновь покосилась на сапог. День только начался, но уже все наперекосяк. Мелкая морось, хмурые лица, поникшие плечи прохожих. Да, Питер волшебный город, но не в ноябре и не этим утром. Воспоминания нахлынули сами собой, как волна, как цунами…

Там сейчас такое же серое утро… В его квартире темно и холодно, радиаторы отключены. Ной просто ненавидит жару. Как и я. Ной. Он сейчас спит.

«Не думай о нем. Не думай о нем! Не. Думай. О. Нем!!!»

Какая же я слабая, дуреха бестолковая…

Впереди показался огромный бизнес-центр, в здании которого я трудилась вот уже три месяца, находясь на испытательном сроке в компании «Малиновский и сын». Я не знала наверняка, нравится ли мне там, хотела бы я там остаться… Не знала. Я просто была рада. Рада, что убежала. Мне нравилось, что я теперь свободна и что далеко от…

— Девушка, простите, вы обронили.

Мужчина в бежевом расстегнутом пальто протягивал мне красную вязаную варежку. Мою. Я похлопала по карманам своей зеленой парки. Так и есть. Потеряла, ворона.

— Спасибо, — сухо поблагодарив, я, даже толком не взглянув на мужчину, забрала свой предмет и побежала вверх по ступенькам. Как ни странно, он последовал за мной.

Ожидая лифт в толчее офисного планктона, я оглядела незнакомца. В сером костюме-тройке, высокий, статный и… рыжий. Я слегка улыбнулась. Еще один «поцелованный солнцем». Не рыжий-рыжий, как я, а скорее ржавый блондин. Рыжие ресницы, рыжие брови, рыжая, стильно подстриженная борода и россыпь конопушек на переносице. Я взглянула на его руки, сжимающие черный кожаный портфель: фаланги пальцев покрывали тонкие рыжие волоски… «Как я тебя понимаю, брат», — мысленно посочувствовала я. С легким звоном отворились двери лифта, и человеческая лавина единым потоком влилась в просторную кабину.

Город Н., 2001 год

Кирилл. Мамонов. Он здесь.

Сердце словно взбесилось.

Я еще не видела его, но четко слышала голос в коридоре школы. Его хохот — громогласный и заразительный — я ни с чьим не перепутаю. Как всегда, он появился за минуту до звонка.

— Явился не запылился! — презрительно фыркнула Яна и достала учебник.

Яна была моей одноклассницей и по совместительству соседкой по подъезду. Такой же зубрилкой и отщепенцем, но в отличие от меня

Янка была остра на язык. Правда, когда ее никто не слышит.

— Кто явился? — закосив под дурочку, спросила я.

— Кто, кто… Мамонов. Идиот этот. Ненавижу его! — зло произнесла Янка и уставилась мне прямо в глаза. — А ты?

— Ага. Придурок, — быстро наклонилась к портфелю, дабы подруга не заметила, как густо я покраснела.

Я была влюблена в Кирилла с шестого класса, и это являлось моей огромной тайной! Самой-самой страшной! Мамонов был самым отвратительным и дерзким из всех, кого я знала, но именно его глаза я видела во снах вот уже четыре года. Четыре долбаных года, изо дня в день… Это была моя первая любовь, любовь сильная, но абсолютно безответная. Такой парень, как Кирилл, никогда не посмотрит на такую, как я. Никогда. Я это знала, но ничего не могла поделать со своими проклятыми чувствами.

В прошлом году я задержалась допоздна в библиотеке и, возвращаясь в сумерках домой через темный парк, увидела, как он целовался с Таней Журавлевой, девчонкой из параллельного класса. Спортсменкой и красавицей. Бойкой и наглой. Он трогал ладонями ее оформившуюся грудь и жадно осыпал поцелуями шею, крепко прижав к стене беседки. Тогда это произвело на меня такое сильное впечатление, что я на два

дня слегла якобы с простудой. Не ела и не пила. Только плакала. Я прогуляла школу впервые в жизни. Это было огромное потрясение. Даже скоропостижная смерть деда не повлияла на меня так сильно, как увиденная картина в тех весенних сумерках…

— Рыжова, дай инглиш списать, — Мамонов обдал меня амбре из сигарет и мятной жвачки. — Ну, дай, тебе жалко, что ли?

Не смея взглянуть ему в глаза, я послушно полезла в сумку.

— Ты дура, что ли? Не давай ему ничего! — прошипела Янка, а я, словно загипнотизированная, протянула ему зеленую общую тетрадь, будто ненароком коснувшись пальцами прохладной сухой ладони.

— Пасиб, Рыжова. Человечище! — Он сжал мое предплечье и в три прыжка добрался до своей последней парты.

— О, молоток, Кирюх, где урвал? — накинулись мальчишки, вырывая тетрадь из рук друг у друга.

— Да Гоблин списать дала, — небрежно отмахнулся он.

Пацаны громко заржали.

Мое предплечье горело огнем, как и пылающие щеки.

Я любила его. Любила!

И — да, моя фамилия Рыжова. Вот такая вот ирония.

Санкт-Петербург,
2017 год

Наскоро выпив кофе и выкурив по две тонких сигареты, мы с Костей Линьковым, коллегой-айтишником, направились на планерку. Обычно «летучка» проходила в большом конференц-зале строго по вторникам, но наш генеральный ввел правило: в последний понедельник месяца собирать весь персонал, а не только директоров, их замов и замов их замов. Таким образом он хотел еще больше сплотить коллектив, как бы стирая грань между высшим руководством и сотрудниками среднего звена. Все, включая секретарей и мелких разнорабочих, набивались в помещение и делали вид, что происходящее им очень интересно.

Дмитрий Степанович — грузный лысеющий гендиректор всея корпорации «Малиновский и сын», создал компанию с нуля и очень этим гордился. Финансы, аудит, консалтинг — сфера, в которой Малиновский достиг больших высот. Услуги «ФАКа» — как негласно прозвали компанию сотрудники — были одними из самых дорогих и самых востребованных в Петербурге, и кадры Дмитрий Степанович выбирал соответствующие — с хорошим образованием и цепким умом. Лично беседовал с каждым, проверяя испытуемого на вшивость. Кстати, почему «и сын», для всех оставалось тайной, покрытой